

ТАКТИКА РИТОРИЧЕСКОГО ВОПРОСА
В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ

С.В. Зубова

Аннотация. В статье представлен коммуникативно-грамматический анализ использования риторических вопросов в документальной биографии на примере книги Л. Данилкина «Пассажир с детьми. Юрий Гагарин до и после 27 марта 1968 года», в которой риторические вопросы выступают в качестве одной из основных текстовых тактик, используемых автором для воздействия на читателя. Проведенное исследование демонстрирует, как риторический вопрос служит способом навязывания авторской точки зрения, замаскированной под форму диалогизации. Нами проанализированы следующие проявления данной тактики: 1) цепочка «почему–зачем»-вопросов; 2) автор, мы и «большинство»; 3) «обработка» чужих точек зрения; 4) модус, отвлекающий читателя от диктума; 5) модус, навязывающий читателю диктум. Проведенный анализ позволяет обосновать вывод о стратегии автора, которую реализует тактика риторического вопроса — изменение отношения читателя к личности первого космонавта, и шире — пересмотр адресатом своей системы ценностей.

Ключевые слова: риторический вопрос, риторическое высказывание, коммуникативная грамматика, документальная биография, манипулятивные тактики

Для цитирования: Зубова С.В. Тактика риторического вопроса в документальной биографии // Преподаватель XXI век. 2025. № 4. Часть 2. С. 419–429. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-419-429

RHETORICAL QUESTION TACTICS IN DOCUMENTARY BIOGRAPHY

S.V. Zubova

Abstract. The article presents a communicative grammar analysis of the use of rhetorical questions in a documentary biography using the example of the book “A Passenger with Children. Yuri Gagarin Before and After March 27, 1968” by L. Danilkin, in which rhetorical questions act as one of the main textual tactics used by the author to influence the reader. The study demonstrates how a rhetorical question serves as a way to impose the author’s point of view, disguised as a form of dialogization. We analyzed the following manifestations of this tactic: 1) a chain of “why-what for” questions; 2) the author,

© Зубова С.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

we and the “majority”; 3) “processing” other people’s points of view; 4) a modus that distracts the reader from the dictum; 5) a modus that imposes a dictum on the reader. The undertaken analysis allows us to substantiate the conclusion about the author’s strategy, which is implemented by the tactics of the rhetorical question — a change in the reader’s attitude towards the personality of the first cosmonaut, and more broadly — a revision by the addressee of their system of values.

Keywords: rhetorical question, rhetorical statement, communicative grammar, documentary biography, manipulative tactics

Cite as: Zubova S.V. Rhetorical Question Tactics in Documentary Biography. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2025, No. 4, part 2, pp. 419–429. DOI: 10.31862/2073-9613-2025-4-419-429

Классификации вопросительных предложений в русистике различаются в зависимости от аспекта, который лежит в их основе — структурный [1], семантический [2] или коммуникативный [3]. Аналитические обзоры классификаций вопросительных предложений содержатся в работах И.Б. Шатуновского, А.А. Стрельцова, О.Н. Путиной, Е.А. Линдстрем [4–7]. Описательные грамматики, выделяя три типа предложений по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные), оставляют в стороне тот факт, что не каждое вопросительное предложение заключает в себе вопрос (*Вы не могли бы уступить место?*), и, соответственно, не каждый вопрос оформлен как вопросительное предложение (*Я хотел бы узнать, когда вернется декан*).

В.В. Виноградов утверждал, что вопросительные предложения могут быть «очень различны по содержанию, по форме и по своим модальным значениям» [8, с. 368]. И.П. Распопов выделял три основные разновидности вопросительных предложений по модальному качеству: 1) *собственно-вопросительные*, содержащие «чистый вопрос», целью которого является выяснение неизвестных говорящему фактов действительности; 2) *удостоверительно-вопросительные*, требующие от адресата только подтверждения или опровержения сообщаемой говорящим информации; 3) *предположительно-вопросительные*, где говорящий сам в форме вопроса строит предполагаемый ответ [9, с. 90–93].

А.М. Пешковский считал, что в основе вопроса всегда лежит побуждение адресата к действию: «...если мы сообщаемыми мыслями желаем повлиять на своего собеседника, подействовать на его волю, побудить его поступить так или иначе, нашу речь можно назвать побудительной речью. Последний случай разбивается на два: мы можем побуждать слушателя сообщить нам то, чего мы не знаем, ответить на наш вопрос — речь вопросительная, и можем побуждать его сделать то именно, что мы ему приказываем или о чем просим, — речь повелительная» [10, с. 356]. В «Коммуникативной грамматике русского языка» вопросительные высказывания рассматриваются в рамках волюнтивного регистра речи, который «характеризуется коммуникативной функцией волеизъявления говорящего, побуждения адресата к действию» [11, с. 406], а именно к действию речевому — ответу на вопрос. Однако известно, что вопросы, помимо выполнения своей первичной функции — побуждения к речевому действию, могут выступать как риторические высказывания, побуждающие адресата уже не к речевому действию, а к мыслительному — изменению его представлений, оценок, взглядов,

намерений, мотиваций, модели поведения. Эти изменения обусловлены тем, что риторические вопросы «фактически выражают утверждение или отрицание» [8, с. 368], к которому говорящий подводит адресата. Главной чертой вопросов такого типа является субъективность, «интенция говорящего, его позиция, его оценка» [12, с. 8].

В рамках функционального направления представлены исследования А.В. Канафьевой, С.В. Невольниковой, Е.Д. Скородумовой, Е.С. Ступак, Т.В. Поляковой, в которых риторический вопрос рассматривается с точки зрения его возможных функций в различных типах текста и коммуникативных ситуациях [12; 13; 14; 15; 16]. С.В. Невольникова при анализе функций вопросительных конструкций диалогических и монологических единств отмечает, что в нехудожественных текстах автор в монологах, «формулируя вопросы, воздействует на восприятие читателя, направляет его в нужное русло, и тем самым внедряет в его сознание свои мысли, идеи, убеждения» [13, с. 24].

Е.С. Ступак, разрабатывая функционально-семантическое поле утверждения, выделяет микрополе утверждения через отрицательный риторический вопрос (восклицание), конструкции которого, по замечанию автора, «являются вопросительными лишь по форме, означая утверждение возможного или целесообразного, осложненное экспрессивной оценкой» [15, с. 13].

Несмотря на сходство в выводах относительно природы и функций риторического вопроса, у исследователей есть расхождения в терминологии. Например, А.В. Канафьева отказывается от термина *риторический вопрос* в пользу *риторического высказывания*, объясняя это тем, что форма вопроса в нем исключительно условная и ее показателями «являются модифицированные вопросительные местоимения, частицы, перекодированная эмотивно-экспрессивная интонация» [12, с. 32]. Риторические высказывания противопоставляются А.В. Канафьевой «собственно вопросительным предложениям как не содержащие собственно вопроса и не побуждающие реципиента к ответу, а реализующие в языке специфические коммуникативные функции — выражение отрицания, утверждения или размышления говорящего» [там же, с. 18]. Здесь важно обратить внимание на то, что, помимо обозначенных функций, риторический вопрос дает возможность говорящему реализовать свое стремление подтолкнуть адресата к мыслительной деятельности. В результате таких ментальных операций адресат может сам себе дать ответы на поставленные вопросы. И несмотря на прагматическую установку автора, у адресата всегда остается выбор: соглашаться с предложенными ему установками (в виде отрицания, утверждения или размышления говорящего) или нет. В связи с перечисленными факторами, мы считаем целесообразным употребление термина *риторический вопрос* наряду с *риторическим высказыванием*.

Современные исследователи продолжают изучать использование риторического вопроса, расширяя круг анализируемых текстов. В научной литературе имеются работы о самом термине *риторический вопрос* и его употреблении в речи [17], о его функциях в поэзии [18; 19], художественной прозе [20; 21], в научном [22] и публицистическом [23; 24] текстах, в текстах рекламы [25], в историографии [26] и др.

Актуальность исследования обусловлена активным развитием исторического повествования в условиях повышенного интереса российского общества к истории гибридных жанров, таких, например, как персональная история [27], геополитический роман [28], ориентированных на более широкий круг читателей, чем научные и учебные тексты. Авторы этих жанров ищут на стыке научного стиля и языка художественной

литературы эффективные языковые средства, обслуживающие как функцию сообщения, так и функцию воздействия. Такие средства, позволяющие автору не только сообщать об исторических фактах, но и формировать отношение читателя к ним, представляют интерес для лингвистического анализа с позиций функционально-коммуникативной грамматики.

Объектом рассмотрения являются риторические вопросы в документально-биографическом жанре. В этом жанре риторические вопросы, содержащие «повествовательный смысл в субъективно-экспрессивном оформлении» и «расчет на реакцию адресата» [12, с. 33], выступают в качестве средства формирования у читателя определенного отношения к герою биографического повествования. Конкретным **материалом** исследования стал текст книги Л. Данилкина «Пассажир с детьми. Юрий Гагарин до и после 27 марта 1968 года». В данном произведении, как и в основанной на ней биографии первого космонавта, написанной Л. Данилкиным для авторитетной серии «ЖЗЛ», риторические вопросы выступают в роли одного из инструментов главной стратегии автора — снижения образа великого русского человека. Документальная биография человека, занимающего значимое место на ценностной шкале нации, каким и является Ю.А. Гагарин, — это именно тот текст, с помощью которого можно попытаться «атаковать» ценностную шкалу, «откорректировать модель мира, исказив цели, правила, факты» [29, с. 16].

Цель исследования — раскрыть приемы такой «атаки», продемонстрировать, как автор, используя риторические вопросы в качестве одной из основных тактик, стремится реализовать свою стратегию.

В качестве **метода** исследования применяется разработанная Г.А. Золотовой [11, с. 455] четырехступенчатая модель анализа текста в версии М.Ю. Сидоровой [30, с. 8], где предполагается рассмотрение текста на следующих уровнях:

- A.** Языковые средства допредикативного уровня.
- B.** Предикативные единицы и регистровые блоки.
- C.** Тактика автора.
- D.** Стратегия автора (гипотетически).

В книге «Пассажир с детьми. Юрий Гагарин до и после 27 марта 1968 года» Л. Данилкин точно «просчитывает» контекст и адресата. Он понимает, что создает образ Гагарина не на пустом месте, что у значительной части его читателей уже существует представление о первом космонавте как о великом человеке, поэтому сначала для реализации стратегии снижения этого образа автор «атакует» не диктумные факты биографии Ю.А. Гагарина, а модусное отношение потенциального читателя к нему. Для этого идеально приспособлены риторические вопросы, включающие различные модусные средства и операции с субъектной перспективой. Следует отметить, что Данилкин любит использовать не единичные вопросительные конструкции, а обрушивать их на читателя целыми блоками. В.В. Виноградов отмечал, что так строится «более или менее интеллектуализированная коммуникация, когда говорящий обращается к рассудку собеседника и влияет на него через целую цепь высказываемых и вызываемых суждений» [8, с. 367].

Рассмотрим несколько примеров текстовых блоков, состоящих из риторических вопросов или включающих риторические вопросы. Они демонстрируют взаимодействие языковых средств разных уровней для реализации указанной тактики.

Пример 1. Цепочка «почему–зачем»-вопросов

Зачем все эти люди делали это? Почему им захотелось самим почувствовать себя Гагариным? Почему им нравится Гагарин? Зачем вообще всем нам Гагарин, гагаринская биография?

Эти вопросы появляются в самом начале книги после примеров из «длинного списка курьезных попыток несанкционированной имитации», как пишет Данилкин, т.е. подражания Гагарину.

Обратим внимание на следующие особенности данного фрагмента:

а) на смену третьеличного субъекта *им (людям)* на перволичное *нам*, объединяющее автора и адресата (такой прием «кооперации» с читателем характерен для Данилкина), и увеличение уровня обобщения за счет контекстного окружения (*все, вообще всем*);

б) на модусные предикаты вопросительных предложений: начиная со второго предложения (*захотелось почувствовать, нравится, подразумеваемое нужен*), автор «обсуждает» не самого Гагарина, а наше оценочное и модальное отношение к его образу и биографии;

в) на объединение в одном блоке четырех вопросов с вопросительными словами *зачем* и *почему*. Они не только являются рефлексивными вопросами, с помощью которых говорящий предлагает собеседнику поразмышлять на выбранную тему, но и представляют «несоответствие между вопросительной формой и отрицательным значением *Почему я должен это делать* = ‘неверно, что я должен это делать’» [31, с. 15], т.е. в самом вопросе уже заложен отрицательный ответ: ‘неверно, что они должны хотеть почувствовать себя Гагариным’; ‘неверно, что им должен нравиться Гагарин’; ‘неверно, что всем нам нужны Гагарин и гагаринская биография’;

г) на последний в этом ряду вопрос, построенный по модели ‘Зачем (мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им) кому — нужен — кто-то (что-то)?’. Такой тип вопросов А.В. Канафьева относит к общеотрицательным риторическим высказываниям, демонстрирующим модальное значение «ненужности» и эмоциональное значение «пренебрежения к кому-то (чему-то)» [12, с. 112].

С помощью этой цепочки риторических вопросов «к модусу» Данилкин ставит под сомнение и эмоциональную (*чувствовать*), и ценностную (*нравиться*), и интеллектуальную (*знать*) значимость Гагарина как личности и его биографии, т.е. текста, который он сам создает и который читатель начинает читать.

Пример 2. Автор, мы и «большинство»

(1) Но с какой стати нам проявлять интерес к его биографии? (2) Какой урок можно извлечь из нее? (3) Какую такую идею за ней увидеть? (4) Не идем ли мы на поводу у большинства, не становимся ли жертвами магии больших чисел — раз ему аплодировали миллионы людей, значит, он в самом деле был уникальной личностью?

Здесь мы видим и уже зафиксированные в первом примере, и новые приемы работы с модусом. Вопрос (1) содержит объединяющее автора и читателей местоимение *нам* и модусный предикат (*проявлять интерес*), а также экспрессивный синоним «зачем» — *с какой стати*. Конструкции с вопросительным словом *какой* (2–3), утратившим свое исходное значение и выражающим отрицательный смысл, здесь реализуют типовое значение «отсутствия» [32, с. 81], в данном случае *какой (такой) = никакой*. Эти предложения (2–3) с неназванным субъектом и опять же с модусными предикатами (*извлечь урок, увидеть идею*) усиливают предшествующий тезис, облеченный в вопрос,

и поднимают уровень обобщения. Вопросы (1–3) имплицитно утверждают ‘нам не зачем проявлять интерес к его биографии, так как никакого урока и никакой *такой* идеи за ней не увидеть’. Вопрос (4) построен по формуле ‘Не...ли?’, выражающей предположительное значение модусной части предложения. И если читатель соглашается с предложенной установкой, то следующая далее диктумная часть предложения отрицается, и получается: ‘раз ему аплодировали миллионы людей, это не значит, что он в самом деле был уникальной личностью’.

Пример 3. «Обработка» чужих точек зрения

Л. Данилкин сообщает о своей поездке в Тулу к соученику Гагарина — автору мемуаров о первом космонавте: *Нужны были не подробности о Гагарине образца 1947... а ответ на вопрос: Гагарин правда был прирожденным лидером — или Толкалин приписал это ему задним числом, имея в виду тот удачный набор обстоятельств, который ему выпал в дальнейшем?*

Выделенное жирным шрифтом предложение состоит из трех частей. Автор предлагает два противоречащих друг другу варианта: в форме уточняющего вопроса с показателем фактического соответствия (*Гагарин правда был прирожденным лидером*) и своего предположения о том, что данный факт существует только в модусной сфере субъекта-мемуариста, вымышлен им (*или Толкалин приписал это ему задним числом*), при этом включает — в субъектной сфере мемуариста — пресуппозицию, соответствующую своему видению Гагарина, (*Гагарину выпал удачный набор обстоятельств*), на которую отрицание (сомнение, сфера действия вопросительного знака) не распространяется.

Пример 4. Модус, отвлекающий нас от диктума

Правда ли, что нам нужно иметь представление о биографии человека, который, формально, всего лишь дал согласие — осознанно оценив риски, зная об ожидающем его вознаграждении, взвесив все «за» и «против», без какого-либо принуждения, — проверить на себе созданную кем-то еще технологию?

В диктумной части вопроса автор высказывает свою точку зрения на полет первого космонавта с использованием языковых средств (*формально, всего лишь, кем-то еще*) и смысловых акцентов, которые сводят на нет значительность подвига Ю.А. Гагарина. Но вопрос задается не о том, правда ли это. Вопрос задается к модусной части. Диктумная сомнению не подвергается и, с одной стороны, должна стимулировать отрицательный ответ на этот вопрос (*Нам не нужно иметь представление о биографии такого человека*), с другой — выполняет функцию сообщения о «фактах», какими их хочет представить читателю Данилкин.

Пример 5. Модус, навязывающий нам диктум

(1) **Возможно**, его готовили быть героем; (2) **возможно**, он даже проходил инструктаж по улучшению своих манер у некоего московского профессора Хиггинса — (3) но никто не объяснял ему, как быть поп-звездой, голливудским селебрити; (4) **да и кто, спрашивается, в Советском Союзе мог объяснить ему это?**

Модусное возможно здесь используется автором не для выражения сомнения относительно вероятности диктумных событий, а для того, чтобы диктумную часть в целом можно было построить. В противном случае, в отсутствие *возможно*, получаются ассертивные предикации, за достоверность которых автор вряд ли может поручиться. Интересно, что в третьей части предложения (*никто не объяснял ему, как быть поп-звездой*) предположение *возможно* уже исчезает, зато перед ним (3) появляется про-

тивительный союз *но*, который сигнализирует, что если первые два «факта» всего лишь вероятны, то третий однозначно имел место. Усиление этого тезиса происходит в четвертой части (4) предложения. С помощью присоединительного союза *да* и Данилкин поясняет и обобщает свою мысль, а модусное *спрашивается* выражает не только недоумение автора, но и создает иллюзию вопроса. Вся эта цепь предикаций, оформленных в одно предложение, имеющее форму риторического вопроса, порождает ряд пресуппозиций, которые навязываются адресату в диктуме: ‘можно подготовиться быть героем (изображать героя?)’; ‘Гагарину нужно было улучшить свои манеры’; ‘нужно было учиться быть поп-звездой’; ‘в СССР никто не мог этому научить’.

С помощью подобных риторических высказываний и других текстовых тактик Л. Данилкин пытается разрушить традиционное представление о жизненном пути и значении первого космонавта и предлагает его новую биографию, в которой нет места подвигу, патриотизму и вере в науку, а есть только случайность, везение и личная выгода. Автор искусно манипулирует модусными показателями недостоверности, модусными предикатами, сферой действия модусных операторов, прагматически обусловленными значениями вопросительных слов; использует эффекты, возникающие в результате объединения в одно предложение нескольких предикативных единиц с разной целеустановкой, завершая при этом всю конструкцию вопросительным знаком.

Л. Данилкин «работает» не только с диктумом (сообщаемыми фактами), но и с модусом (отношением потенциального читателя к этому факту), вследствие чего мы можем заключить, что проанализированные фрагменты текста подпадают под определение «информационной войны», предложенное в книге С.П. Расторгуева [29, с. 15]. Целью такой войны является внедрение в сознание адресата негативных мыслей. Проведенный анализ говорит о том, что данные риторические высказывания автор использует, чтобы вызвать сомнения у читателя: «...если будут заданы глупые вопросы, то будут выданы и глупые ответы, а тем самым человек, страна, человечество сами собой развернутся и пойдут в обратную сторону, безвозвратно теряя свои интеллектуальные составляющие» [29, с. 94].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекант П.А. Вопросительные предложения // Современный русский литературный язык: учеб. для вузов / под ред. П.А. Леканта. М.: Дрофа, 1999. С. 302–305.
2. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.
3. Бердник Л.Ф. Функционально-семантическое поле вопросительности // Семантика и сочетаемость компонентов грамматических конструкций: межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 1995. С. 46–52.
4. Шатуновский И.Б. Речевые действия и действия мысли в русском языке. М.: ЯСК, 2016. 478 с.
5. Стрельцов А.А. О типах вопросительных предложений // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 3. С. 38–51.
6. Путина О.Н. Типология вопроса: традиционный подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4. № 4. С. 127–143.
7. Линдстрем Е.Н. Классификация русских вопросительных по форме высказываний на базе прагматически обоснованной универсальной модели: дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 189 с.

8. *Виноградов В.В.* «Синтаксис русского языка» акад. А.А. Шахматова // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 357–420.
9. *Распопов И.П.* Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970. 191 с.
10. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1938. 450 с.
11. *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРЯ РАН, 2004. 544 с.
12. *Канафьева А.В.* Риторическое высказывание: формы, семантика, функции: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 317 с.
13. *Невольникова С.В.* Функционально-семантические разновидности русских вопросительных предложений и их роль в текстообразовании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2004. 25 с.
14. *Скородумова Е.Д.* Коммуникативно-прагматические особенности риторических вопросов-реакций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.
15. *Ступак Е.С.* Функционально-семантическое поле утверждения в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2005. 19 с.
16. *Полякова Т.В.* Функционально-семантическое поле согласия в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2005. 146 с.
17. *Добровольский Д.О., Зализняк Анна А.* «Риторический вопрос» в лингвистике и в речи // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 2. С. 53–70.
18. *Лебедев А.А.* Риторический вопрос как фигура речи в поэзии Феофана Прокоповича // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. 2024. — Т. 46. № 6. С. 16–22.
19. *Романов Д.А.* «Без сделок с совестью своей...»: наблюдения над лингвопоэтикой лирики Н.А. Некрасова (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 6. С. 55–65.
20. *Пантелеев А.Ф.* Синтаксические средства выражения эмоций в прозе В.С. Токаревой // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 109. № 2. С. 124–131.
21. *Шевелева Г.И., Медведева Е.В.* Лингвистические особенности издательской аннотации к произведениям художественной литературы (на материале немецкого и русского языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2024. № 22. С. 171–183.
22. *Николаева А.В.* Синтаксические средства выражения экспрессивности в научном тексте // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 96. № 1. С. 113–118.
23. *Бирюкова Е.В., Санишвили И.Т.* Дискурсивные характеристики риторических вопросов в публицистических текстах немецкого и русского языков // Казанская наука. 2025. № 2. С. 425–428.
24. *Мишин А.В.* Образный потенциал вопросительных предложений в статьях о России (на материале публикаций журнала “Der Spiegel”) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 1 (36). С. 195–205.
25. *Милетова Е.В., Чернышева О.В.* О некоторых способах речевого воздействия в рекламном дискурсе (на материале английского языка) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2023. № 16. С. 164–171.
26. *Шаповалов А.В.* Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI–XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. № 65. С. 256–268.
27. *Володихин Д.М.* Полководцы Московского царства. М.: Молодая гвардия, 2020. 352 с.

28. Шуги В.В. Битва за Дальний Восток. От противостояния к Антанте. М.: Вече, 2024. 512 с.
29. Распоргуев С.П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, 2001. 468 с.
30. Сидорова М.Ю. К развитию четырехступенчатой модели анализа текста // Gramatyka a tekst. Katowice: Oficyna Wydawnicza WW, 2014. S. 7–30.
31. Мостовая Л.А. Семантические особенности и иллокутивные функции конструкций с вопросительными словами *зачем* и *почему*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 20 с.
32. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

REFERENCES

1. Lekant P.A. Voprositelnye predlozhenija [Interrogative Sentences]. In: *Sovremennyy russkij literaturnyj jazyk: ucheb. dlja vuzov* [Modern Russian Literary Language: Textbook for Universities], ed. by P.A. Lekant. Moscow, Drofa, 1999, pp. 302–305. (in Russ.)
2. Shvedova N.Yu. *Očerki po sintaksisu razgovornoj reči* [Essays on the Syntax of Colloquial Speech]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1960, 377 p. (in Russ.)
3. Berdnik L.F. Funkcionalno-semanticheskoe pole voprositelnosti [Functional-semantic Field of Interrogativeness]. In: *Semantika i sochetanost komponentov grammaticheskikh konstrukcij. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Semantics and Compatibility of Components of Grammatical Constructions, Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Rostov-on-Don, 1995, pp. 46–52. (in Russ.)
4. Shatunovskij I.B. *Rechevye dejstviya i dejstviya mysli v russkom jazyke* [Speech Actions and Actions of Thought in the Russian Language]. Moscow, JaSK, 2016, 478 p. (in Russ.)
5. Strelcov A.A. O tipah voprositelnyh predlozhenij [On the Types of Interrogative Sentences], *Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki* = Vestnik of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy, 2016, No. 3, pp. 38–51. (in Russ.)
6. Putina O.N. Tipologija voprosa: tradicionnyj podhod [Question Typology: Traditional Approach]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika* = Theoretical and Applied Linguistics, 2018, vol. 4, No. 4, pp. 127–143. (in Russ.)
7. Lindstrem E.H. *Klassifikacija russkih voprositelnyh po forme vyskazyvanij na baze pragmaticheskoi obosnovannoj universalnoj modeli* [Classification of Russian Interrogative Statements by Form Based on a Pragmatically Substantiated Universal Model]: PhD Dissertation (Philology). Petrozavodsk, 2003, 189 p. (in Russ.)
8. Vinogradov V.V. “Sintaksis russkogo jazyka” akad. A.A. Shahmatova [“Syntax of the Russian Language” by acad. A.A. Shakhmatov]. In: *Izbrannye trudy. Issledovanija po russkoj grammatike* [Selected works. Studies in Russian Grammar]. Moscow, Nauka, 1975, pp. 357–420. (in Russ.)
9. Raspopov I.P. *Stroenie prostogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke* [The Structure of a Simple Sentence in Modern Russian]. Moscow, Prosveshchenie, 1970, 191 p. (in Russ.)
10. Peshkovskij A.M. *Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii* [Russian Syntax in Scientific Coverage]. Moscow, Uchpedgiz, 1938, 450 p. (in Russ.)
11. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow: IRYa RAN, 2004, 544 p. (in Russ.)
12. Kanafjeva A.V. *Ritoricheskoe vyskazyvanie: formy, semantika, funkcii* [Rhetorical Utterance: Forms, Semantics, Functions]: PhD Dissertation (Philology). Moscow, 2011, 317 p. (in Russ.)

13. Nevolnikova S.V. *Funkcionalno-semanticheskie raznovidnosti russkih voprositelnyh predlozhenij i ih rol v tekstoobrazovanii* [Functional and Semantic Varieties of Russian Interrogative Sentences and Their Role in Text Formation]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Rostov-on-Don, 2004, 25 p. (in Russ.)
14. Skorodumova E.D. *Kommunikativno-pragmatische osobennosti ritoricheskikh voprosovreakcij* [Communicative and Pragmatic Features of Rhetorical Questions-reactions]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Chelyabinsk, 2010, 22 p. (in Russ.)
15. Stupak E.S. *Funkcionalno-semanticheskoe pole utverzhenija v sovremennom russkom jazyke* [Functional and Semantic Field of Assertion in Modern Russian]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Taganrog, 2005, 19 p. (in Russ.)
16. Polyakova T.V. *Funkcionalno-semanticheskoe pole soglasija v sovremennom russkom jazyke* [Functional and Semantic Field of Agreement in Modern Russian]: PhD Dissertation (Philology). Taganrog, 2005, 146 p. (in Russ.)
17. Dobrovolsky D.O., Zaliznyak Anna A. “Ritoricheskij vopros” v lingvistike i v rechi [“Rhetorical Question” in Linguistics and in Speech], *Slovo.ru: baltiiskij akcent* = Slovo.ru: Baltic accent, 2025, vol. 16, No. 2, pp. 53–70. (in Russ.)
18. Lebedev A.A. Ritoricheskij vopros kak figura rechi v poezii Feofana Prokopovicha [Rhetorical Question as a Figure of Speech in the Poetry of Feofan Prokopovich], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Scientific Notes of Petrozavodsk State University, 2024, vol. 46, No. 6, pp. 16–22. (in Russ.)
19. Romanov D.A. “Bez sdelok s sovestju svoej...”: nabljudenija nad lingvopoetikoj liriki N.A. Nekrasova (k 200-letiju so dnja rozhdenija) [“Without Deals with his Conscience ...”: Observations on the Linguapoetics of the Lyrics of N.A. Nekrasov (on the 200th Anniversary of the Birth)], *Russkij jazyk v shkole* = Russian Language at School, 2021, vol. 82, No. 6, pp. 55–65. (in Russ.)
20. Panteleev A.F. Sintaksicheskie sredstva vyrazhenija emocij v proze V.S. Tokarevoj [Syntactic Means of Expressing Emotions in the Prose of V.S. Tokareva], *Gumanitarnye i socialnye nauki* = Humanities and Social Sciences, 2025, vol. 109, No. 2, pp. 124–131. (in Russ.)
21. Sheveleva G.I., Medvedeva E.V. Lingvisticheskie osobennosti izdatelskoj annotacii k proizvedenijam hudozhestvennoj literatury (na materiale nemeckogo i russkogo jazykov) [Linguistic Features of the Publisher’s Annotation to Works of Fiction (Based on the German and Russian Languages)], *Jazyk, kommunikacija i socialnaja sreda* = Language, Communication and Social Environment, 2024, No. 22, pp. 171–183. (in Russ.)
22. Nikolaeva A.V. Sintaksicheskie sredstva vyrazhenija ekspressivnosti v nauchnom tekste [Syntactic Means of Expressing Expressiveness in a Scientific Text], *Gumanitarnye i socialnye nauki* = Humanities and Social Sciences, 2023, vol. 96, No. 1, pp. 113–118. (in Russ.)
23. Biryukova E.V., Sanishvili I.T. Diskursivnye charakteristiki ritoricheskikh voprosov v publicisticheskikh tekstah nemeckogo i russkogo jazykov [Discursive Characteristics of Rhetorical Questions in Journalistic Texts of the German and Russian Languages], *Kazanskaja nauka* = Kazan Science, 2025, No. 2, pp. 425–428. (in Russ.)
24. Mishin A.V. Obraznyj potencial voprositelnyh predlozhenij v statjah o Rossii (na materiale publikacij zhurnala “Der Spiegel”) [Figurative Potential of Interrogative Sentences in Articles about Russia (Based on Publications of the Magazine “Der Spiegel”)], *Teorija jazyka i mezhkulturnaja kommunikacija* = Theory of Language and Intercultural Communication, 2020, No. 1 (36), pp. 195–205. (in Russ.)

25. Miletova E.V., Chernysheva O.V. O nekotoryh sposobah rechevogo vozdejstvija v reklamnom diskurse (na materiale anglijskogo jazyka) [On Some Methods of Speech Influence in Advertising Discourse (Based on the English Language)], *Professionalnaja kommunikacija: aktualnye voprosy lingvistiki i metodiki* = Professional Communication: Current Issues in Linguistics and Methodology, 2023, No. 16, pp. 164–171. (in Russ.)
26. Shapovalov A.V. Ritoricheskie voprosy i vosklicanija v slavjanskom istoricheskom povestvovanii rubezha XI–XII vv. (“Povest vremennyh let”, “Cheshskaja hronika”, “Hronika Galla Anonima”) [Rhetorical Questions and Exclamations in the Slavic Historical Narrative of the Turn of the 11th–12th Centuries (“The Tale of Bygone Years”, “Czech Chronicle”, “Chronicle of Gallus Anonymus”)], *Vestnik slavjanskih kultur* = Bulletin of Slavic Cultures, 2022, No. 65, pp. 256–268. (in Russ.)
27. Volodikhin D.M. *Polkovodcy Moskovskogo carstva* [Commanders of the Moscow Tsardom]. Moscow, Molodaja gvardija, 2020, 352 p. (in Russ.)
28. Shigin V.V. *Bitva za Dalnij Vostok. Ot protivostojanija k Antante* [Battle for the Far East. From Confrontation to the Entente]. Moscow, Veche, 2024, 512 p. (in Russ.)
29. Rastorguev S.P. *Filosofija informacionnoj vojny* [Philosophy of Information Warfare]. Moscow, Vuzovskaja kniga, 2001, 468 p. (in Russ.)
30. Sidorova M.Yu. K razvitiyu chetyrehstupenchatoj modeli analiza teksta [On the Development of a Four-Stage Model of Text Analysis]. In: *Gramatyka a tekst*. Katowice, Oficyna Wydawnicza WW, 2014, pp. 7–30. (in Russ.)
31. Mostovaja L.A. *Semanticheskie osobennosti i illokutivnye funkcii konstrukcij s voprositelnymi slovami zachem i pochemu* [Semantic Features and Illocutionary Functions of Constructions with Interrogative Words Why and Why]: Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology). Moscow, 2010, 20 p. (in Russ.)
32. Shvedova N.Yu. *Mestoimenie i smysl. Klass russkih mestoimenij i otkryvaemye imi smyslovye prostranstva* [Pronoun and Meaning. The Class of Russian Pronouns and the Semantic Spaces They Open]. Moscow, Azbukovnik, 1998, 176 p. (in Russ.)

Зубова Сусанна Викторовна, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, susanna.zubova@mail.ru

Susanna V. Zubova, PhD Post-graduate Student, Lomonosov Moscow State University, susanna.zubova@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.05.2025. Принята к публикации 06.08.2025

The paper was submitted 14.05.2025. Accepted for publication 06.08.2025